

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.1+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.052–069

Нормы взаимодействия мужчин и женщин в российской дворянской культуре в конце XVIII – середине XIX века

О.И. Лисицына

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

На основе широкого круга литературных источников, нравоучительной литературы и источников личного происхождения в статье раскрывается специфика поведенческих норм российских дворян и дворянок. В статье затрагиваются дискурсивные различия «мужского» и «женского» письма, однако основное внимание уделяется непосредственно поведенческим различиям. Они исследуются через сравнение систем воспитания девочек и мальчиков, а также посредством анализа категории «честь», крайне значимой для российского дворянского этоса. Центральное место в статье занимают взаимодействия мужчин и женщин дворянского происхождения и та система социальных норм, которая их регулировала в Российской империи в конце XVIII – середине XIX в.

Ключевые слова: нормы поведения, честь, ментальность, женская история, эгодокументы, Российская империя, традиционный гендерный порядок.

Представления о нормах, связанных с отношениями мужчины и женщины в российской дворянской культуре в конце XVIII – первой половине XIX в., в современном сознании часто бывают сформированы произведениями русской классической литературы. Литературные произведения, безусловно, важны для понимания и мужской, и женской повседневности в данный период, но не менее важно изучить также и иные исторические источники, чтобы наше представление о прошлом было более полным и комплексным.

К исследованию были привлечены как мужские, так и женские литературные произведения конца XVIII – середины XIX в.¹, сочинения назидательного характера (сборники моральных и этикетных правил, нравоучи-

---

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С. 186–354; Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М., 2004; Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 194–262; Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.10.2025); Росточина Е.П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей... С. 134–194 и др.

тельная литература)², а также многочисленные источники личного происхождения – опубликованные и архивные. Для обозначенной проблематики воспоминания, записки, дневники и письма являются одними из наиболее информативных источников (несмотря на то, что порой у исследователей возникают сомнения в их полной достоверности³), ведь при изучении поведенческих установок оказывается важным не столько точное и достоверное описание каких-либо фактов или событий, сколько переживания и чувства авторов, а также система ценностей и представлений, вписываемая ими в текст, как правило произвольно.

В первую очередь стоит отметить существовавшую в конце XVIII – середине XIX в. колоссальную разницу в воспитании и, как следствие, в ценностных ориентациях мужчины и женщины, что формировало у них, соответственно, две различные модели поведения. Особенно ярко эта несогласованность проявляется в ходе сватовства и в первое время супружеской жизни: «... не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жёны оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!»⁴; «ни малейшей-таки ласки и ни малейшего приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела»⁵, – сетует на свою невесту А.Т. Болотов. А вот как пишет о своём женихе его современница А.Е. Лабзина: «я, увидя его, очень оробела, и так, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мне позволено было идти к себе в комнату»⁶; «... ласки моего назначенного мужа стали ко мне открытее. Но они меня не веселили, и я очень холодно их принимала... и сердце моё не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нём действовал»⁷. Следует предположить, что причина столь различных представлений и ожиданий не сводится исключительно к специфике «мужского» и «женского» письма, а кроется в разнице ценностных ориентаций, вытекающей из двойственности принципов воспитания, в том числе сексуального, основанных на соответствующих представлениях о «нормативной» женственности и мужественности.

Однако следует отметить, что существуют также и сугубо дискурсивные различия в «мужских» и «женских» источниках. С приходом в моду

² Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788; Тредиаковский В.К. Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб., 1787; Трельч К. Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекрасного пола как оному в свете разумно себя вести. М., 1773 и др.

³ См.: Кошелев А.В. «Я пишу без всякого порядка...» (А.О. Смирнова-Россет и её воспоминания) // Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–24.

⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0110.shtml (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ Там же.

⁶ Лабзина А.Е. Воспоминания // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷ Там же.

сентиментализма в 1790-е гг. мужчины начинают смело выражать свои чувства, заимствуя слог из французских романов, появляются и культивируются такие понятия, как «влюблённость», «чувствования» – и для дворянина тяга к их выражению становится нормой. Женщины же по-прежнему «демонстрируют скованность, самоограничение, погружённость в себя и значительно большую приверженность традиционным устоям»⁸, то есть различия мужского и женского восприятия другого пола охватывают не только содержательный, но и дискурсивный уровень анализируемых исторических источников.

Российский дворянин конца XVIII – середины XIX в. ни в каком возрасте не имел недостатка в общении с лицами противоположного пола – начиная с няни и кормилицы и заканчивая крепостными всех возрастов; с точностью сказать невозможно, существовала ли в дворянских семьях сколько-нибудь жёсткая система цензурных запретов и ограничений чтения для мальчиков и, если да, то насколько повсеместной она была. А.С. Пушкин в своих «Опровержениях на критики» заявляет, что «публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик»⁹, явно подразумевая, что для данных категорий литература должна быть «пристойной» – это позволяет говорить о некоей исключённости мальчиков – наряду с девочками – из доступного «взрослым» дискурса сексуальности. Однако тот же Пушкин упоминает, что в Лицее он «читал охотно Апулея, // а Цицерона не читал»¹⁰, что позволяет говорить об известной условности подобных запретов.

С женским же половым воспитанием дело обстояло иначе. Это находит многочисленные подтверждения в женских эго-документах: «рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения»¹¹; «... лампы гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше»¹²; «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочитать запрещенную книгу (романы нам не позволялись)»¹³. На основе этого можно сделать вывод, что подобного рода «гендерная цензура» была общим местом в системе женского дворянского воспитания, а пушкинский образ «барышни уездной» «С

⁸ *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012. С. 64–65.

⁹ *Пушкин А.С.* Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 6. С. 342.

¹⁰ *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 314.

¹¹ *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.09.2025).

¹² *Водовозова Е.Н.* На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 07.09.2025).

¹³ *Стерлигова А.В.* Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.09.2025).

печальной думаю в очах, // С французской книжкой в руках»¹⁴ отражает, скорее, стереотипный «мужской взгляд» на женскую повседневность, а не реальную ситуацию. Также представления «об опасности “неразборчивого” чтения для барышень» конца XVIII – первой половины XIX в. были аккумулярованы в назидательной литературе, в частности – писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России, в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий»¹⁵, что могло дополнительно способствовать распространению представлений о вреде подобного рода «просвещения» среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Кроме того, совершенно иначе, чем у дворянских юношей, у барышень обстояли дела с доступом к общению с противоположным полом. Повидимому, какие-либо контакты с мужчинами, не являвшимися родственниками девочки-дворянки, были фактически исключены либо осуществлялись под бдительным контролем и надзором со стороны старших¹⁶. В целом, женские жизненные практики регламентируются в гораздо большей степени, чем мужские, и в особенности это распространяется на незамужних представительниц российского дворянства.

По сути, дозволенным какое-либо общение с противоположным полом для дворянской девушки становилось лишь тогда, когда её официально начинали «вывозить»¹⁷ в свет. Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для всей её семьи¹⁸, оно тщательно планировалось заранее («На бале [у князя Щербатова] должен был состояться её выход, но это [не было устроено] мой дядя мог вам говорить свои соображения [о причинах этого]... (перевод с фр. мой. – О.Л.)¹⁹) и вовлекало широкий круг родственников²⁰, в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе»²¹. Это обусловлено тем, что подобные «вывозы в свет» служили матримониальным целям, а вступление в брак представлялось для дворянки важнейшим событием в жизни, делившим её на «до» и «после». Весьма важным событием замужество барышни было и для всей её семьи, ведь сделав «удачную партию», дочь могла улучшить материальное положение или ста-

¹⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 250.

¹⁵ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁶ Головина В.Н. Мемуары // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Golovina/Golovina.htm> (дата обращения: 17.09.2025); Водовозова Е.Н. Указ. соч.

¹⁷ Толстой Л.Н. После бала. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0299.htm (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁸ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1 об.

¹⁹ Там же, Л. 1.

²⁰ Там же, Л. 2.

²¹ Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 208–209.

тус родителей, вдобавок удачное замужество девушки являлось признаком своего рода «состоятельности» – не только для неё самой, но и для её родни.

Разумеется, степень следования дворянок строгим запретам и предписаниям могла быть несколько различной, но в ситуации тотального контроля со стороны родителей и/или воспитателей (до замужества) и общества, «света» (с начала выездов барышни в свет), а также в условиях ограниченности и известной замкнутости российского дворянского общества сколько-нибудь серьёзные отступления от общепринятых поведенческих норм могли позволить себе лишь немногие дворянские девушки.

Причиной подобных «строгостей» в отношении незамужних представительниц дворянского сословия являлась система представлений о «чести» как одной из ключевых составляющих дворянского этоса. Она, безусловно, была связана с теми отличиями в воспитании и поведении, о которых шла речь ранее, и имела существенную гендерную специфику. Так, если этические требования, предъявляемые в дворянском сообществе мужчине, были сконцентрированы вокруг его личностных качеств, таких как смелость, правдивость, учтивость, самообладание, верность слову и т. д.²², то представления о чести женщины развивались почти исключительно вокруг её целомудренности, следовательно, приобретали совершенно иное смысловое наполнение. Ключевое место в данном дискурсе отводилось понятиям «непорочность», «невинность», то есть «способность» женщины воздерживаться от сексуальных контактов вне брака.

Безусловно, требования сохранения невестой девственности до вступления в брак не являются специфической чертой российской дворянской культуры, будучи универсальными как для всех новоевропейских обществ, так и для разных сословий царской России. В то же время несмотря на то, что опыт «викторианского» Запада оказывал безусловное влияние на формирование подобной системы представлений в среде российского нобилитета, следует отметить факт существования феномена «теремного затворничества»²³ – практики социальной изоляции женщин благородного происхождения, существовавшей на Руси задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ.

В результате произошедшей в XVIII в. трансформации поведенческой структуры русского общества²⁴ социальное поведение, которое и ранее было тесно связано с нравственными установками, теперь всё чаще стало считаться внешним проявлением внутреннего содержания личности²⁵. В связи с этим важно подчеркнуть и специфику данных систем табу,

²² Собеседование мудрости, или Отборныя наставления предложенныя в пяти вечерах. СПб., 1784; Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1787.

²³ Подробнее об этом см.: *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни... С. 6.

²⁴ *Алексеева Е.А.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007.

²⁵ *Грасиан-и-Моралес Б.* Грациан придворный человек. СПб., 1742; *Ле Нобль Э.* Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761;

характеризующих элитарную и народную культуру конца XVIII – середины XIX в., связанную с соответствующим размежеванием поведенческих норм в результате заимствования российским дворянством западных ценностей. Так, в крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал «природный натурализм»²⁶ в отношении к сексу, понятие «почестности»²⁷ девушки трактовалось буквально, т. е. факт сохранения невинности, девственности имел, в первую очередь, сугубо физиологический смысл (что, в частности, подтверждается символикой народной свадебной обрядности).

В дворянском же обществе концепт «девичьей чести» приобретает несколько иное, символическое значение, причём, если в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи и соответствующее поведение как юношей, так и девушек на протяжении XIX в. заметно ослабевает, то у дворянства подобные тенденции далеко не так сильны, более того, тексты конца XVIII – первой половины XIX в. демонстрируют обратный процесс: на уровне дискурсивных практик наблюдается даже некоторое ужесточение морально-нравственных норм. Безусловно, следует учитывать, что, возможно, подобная эволюция представлений происходила лишь «на бумаге», будучи связанной с гнётом государственной цензуры, особенно усилившимся как раз во второй четверти XIX в.

Можно сказать, что в контексте дворянской системы представлений о девичьей чести оказывался значимым не столько сам факт прелюбодеяния, сколько обширный ряд действий девушки (или, что бывало чаще, действий в отношении неё), устойчиво связанных в сознании представителей дворянской культуры с угрозой для чести, бесчестьем, и, соответственно, маркируемых как недопустимые в рамках «нормального», социально поощряемого поведения барышни. Разумеется, это не означает, что на недозволенные половые связи дворянки (а таковыми для незамужних девиц признавались любые половые связи) закрывали глаза, но высокий уровень символизма, свойственный куртуазному дворянскому обществу, приковывал внимание к иному, более эвфемистическому пониманию категорий «честь» и «бесчестье».

Подтверждением этого могут служить отношения Алексея Николаевича Вульфа и его кузины Лизы, описанные им в широко известном «Дневнике»²⁸. В результате любовных отношений, вышедших за строгие рамки «дозволенного», девушка считает себя «полностью отдавшейся»²⁹

Добрые мысли, или Последние наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789; Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.

²⁶ Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995. С. 57.

²⁷ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.09.2025).

²⁸ Вульф А.Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 18.09.2025).

²⁹ Там же.

любовнику, хотя с физиологической точки зрения это не так: «... я провел её постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако не касаясь девственности. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу, – ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею и, вопреки моим уверениям, считала себя такою»³⁰. Отчасти подобное поведение незамужней девушки следует объяснить и её полной сексуальной непросвещённостью, ведь, не взирая на то, что «смолоду» от неё требуют строго «блюсти себя», никого из взрослых не заботит, что она не имеет представления, от чего именно её предостерегают и что вменяют ей в обязанность (напротив, малейший доступ к информации о телесности, особенностях физиологии и сексуальном поведении и т.п. в процессе женского воспитания, как правило, полностью блокируется); поэтому, очевидно, любой физический контакт с мужчиной, выходящий за рамки «скромных» представлений юной дворянки (а в них, очевидно, входит немного: лишь свидания, поцелуи) сразу представляется ей «потерей чести» в буквальном и символическом смыслах. Характерной иллюстрацией подобных представлений может служить следующее высказывание пушкинской «капитанской дочки» Маши Мироновой о причине её отказа Швабрину: «Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!»³¹. (Крестьянка того же возраста имела не только значительно более широкие возможности для приобретения познаний в сфере сексуальности, но и опыт более-менее «вольного» общения со сверстниками противоположного пола³².)

Характерно, что женские автодокументальные тексты аналогичной информации о добрых связях их авторов не содержат (очевидно, в силу гендерных особенностей дискурса: для барышни такого рода признание могло быть допустимо только на исповеди, и нигде более), в то время как, судя по мужским, подобные «вольности» между влюблёнными не были редкостью («Всякой вечер... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую её в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того разнежилась, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: «Я вся твоя», только таким тоном, что я почувствовал [и] опомнился, какие могут быть последствия, за что я [её] сделаю несчастною; встал и пошёл вон»³³). Такая разница в описании интимных подробностей объясняется существованием уже упомянутого вы-

³⁰ Вульф А.Н. Указ. соч.

³¹ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 254).

³² Подробнее об этом см.: Кон И.С. Указ. соч. С. 49–52.

³³ Загряжский М.П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.09.2025) и др.

ше двойного стандарта, имевшего место как на уровне дискурса, так и на уровне жизненных практик.

Очевидно, тем не менее, что приведённые выше «практики» для благородной девицы были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания её поведение ставилось под максимально всесторонний контроль. К примеру, мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой по пути домой в имение своего отца по окончании института на станции «в первый раз в жизни с посторонним мужчиною разговаривала»³⁴, ведь институткам не только по отдельности, но даже всем классом запрещалось находиться наедине с учителем, то есть заходить в учебный класс без классной дамы, специально приставленной следить за поведением и моральным обликом девиц во время уроков.

Известные послабления делались для девушки уже «просватанной», т. е. официально считавшейся невестой. В таком случае, её могли даже оставлять наедине с женихом (обычно же все коммуникации незамужней дворянки осуществлялись в присутствии третьих лиц), иногда даже «они целовались и делали все то, что бы она долженствовала делать только с мужем»³⁵ – и именно поэтому последующий отказ жениться или расторжение помолвки женихом без видимых на то причин наносили существенный удар не только по чувствам девушки, но и по её репутации. Здесь важно отметить, что самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности, равно как и повлиять каким-либо образом на ситуацию барышня не могла. В этом случае восстановление её чести находилось в руках кого-то из её близких (разумеется, мужчин), кто определяет «тяжесть» нанесённого оскорбления и «нивелирует» его посредством дуэли. Характерным примером этого может служить нашумевшая в 1825 г. дуэль К.П. Чернова, защищавшего честь сестры, с В.Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери³⁶.

Разумеется, от скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки, но следует отметить наличие некой специфики: демонстративное ухаживание за замужней, уже «отданной другому» женщиной, как правило, не являлось самоцелью (для социально одобряемых, «легитимных» практик флирта существовал строго определённый этикет, адюльтер же ни одна из сторон афишировать, безусловно, не спешила), а преследовало цель «свести счёты» с её мужем. Следовательно, в данной ситуации женщина лишь исполняет роль некоего «средства» регулирования отношений между мужчинами, и чьё-либо «ненормативное» внимание к ней, не вызвавшее даже, возможно, никакой ответной реакции, влияет уже не столько на её собственную честь, сколько на честь её мужа: ему в сложившейся си-

---

³⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³⁵ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. С. 92.

³⁶ Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.09.2025).

туации предстоит определить «тяжесть нанесённой обиды»³⁷ и принять решение о дуэли.

В связи с этим, изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые, на первый взгляд, могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской чести, зачастую обращает нас к плоскости сугубо мужских взаимоотношений, ведь обвинения в оскорблении женщины или, напротив, в «ношении рогов» (как это было, например, в случае дуэли Пушкина с Дантесом.) были бесприкрытым способом «придаться без всякой причины»³⁸ и составляли «минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом»³⁹.

Таким образом, социальный институт дуэли и связанная с ним щепетильность в вопросах чести, доходившая едва ли не до абсурда, оказывали немалое влияние на поведение женщины, диктуя ей крайне строгие правила пристойности, ведь её «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близкого мужчины (впрочем, за «обиду» женщины мог «мстить» не только тот, кто «нёс за неё ответственность» ввиду родства или супружества, не только жених или поклонник, но и малознакомый дворянин, как это сделал, например, А.С. Пушкин в Кишинёве в 1822 г.⁴⁰).

Но очевидно, что под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали юные дворянки – барышни, ещё не входившие в категорию невест: они не «вывозились» на балы, а следовательно, были лишены возможности участвовать в таких «легитимных» сексуальных практиках, как мода, танцы и флирт (являвшихся, по большому счёту, единственно доступными для женщины вне брака). Можно сказать, что у них в большинстве случаев даже не было возможности как-либо «распорядиться» своей «честью» ввиду постоянного контроля со стороны взрослых; их «честь» фактически «отчуждена» от их тел: её контролируют и за неё несут ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычаев, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили родителей невесты, если та оказывалась «честной», и, наоборот, порицали и позорили, если она оказывалась «нечестной»⁴¹. То есть родители выступают в качестве неких «гарантов» и «хранителей» «чести» дочери – символической и буквальной, – и в глазах общества именно они несут за неё ответственность. Такая «функция» родителей способствовала установлению репрессивных механизмов регулирования сексуальности на уровне каждой отдельной семьи.

³⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 165.

³⁸ Волконский С.Г. «Записки» // Из «Записок» князя Сергея Григорьевича Волконского (изданных в С.-Петербурге в 1902 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения: 28.09.2025).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Указ. соч.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин... С. 124.

Замужняя дворянка имела, по-видимому, больше сексуальной свободы, чем барышня. Так, происходило известное ослабление упомянутой выше «гендерной цензуры» – запретов на информацию о сексе и обо всём, что с ним связано, ведь в браке она приобретает минимальный сексуальный опыт, который, однако, в подавляющем большинстве случаев был неудачным, травмирующим и приводящим к скорой беременности, исключая дальнейшие сексуальные контакты на достаточно продолжительный период⁴². Так или иначе, в браке дворянка получает больше возможностей для реализации своей сексуальности – по меньшей мере у неё появляется «право» на флирт, считавшийся нормативной практикой межполового общения в рамках светского общества.

Кроме того, замужество могло обозначать и некоторое ослабление внешнего «надзора» за честью. Это, однако, не означает, что дворянки, выходя замуж, начинали менее нравственно себя вести, напротив, строгие внутренние установки, воспринятые с самого раннего возраста и предписывавшие асексуальность и безусловную верность мужу, оказывались так сильны, что могли сохраняться на протяжении всей жизни. Характерно, что А.П. Керн, не любившая мужа настолько, что в конечном итоге решилась «разъехаться» с ним⁴³, следующим образом реагирует на его суждение о том, что женщине «любовников иметь непростительно только когда муж в добром здравии»⁴⁴: «Какой низменный взгляд! Каковы принципы!»⁴⁵ – следовательно, и она измену мужу воспринимает как явное нарушение морально-нравственных принципов и внутренних установок.

Очевидно, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных, в первую очередь, на контроль и нормализацию женской сексуальности, была достаточно универсальной и фактически неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, степень же следования данным требованиям могла быть неодинаковой. В частности, она могла зависеть от социальной среды, т. е. конкретного повседневного окружения той или иной представительницы дворянского сословия, круга её общения, ведь нормы поведения в «большом свете» и в провинциальном дворянском кругу серьёзно отличались.

В высшем свете вновь прибывшие молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания»⁴⁶ в свете («странный шёпот встретил // Её явление: свет её заметил»⁴⁷; «все кинули на неё испытующий

⁴² Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 366–372; Пушкарева Н.Л. Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. Осень, 2006. С. 23.

⁴³ Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. М., 1990. С. 156.

⁴⁴ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.09.2025)

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksqid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴⁷ Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения... Т. 1. Стихи и поэмы. С. 717.

взгляд; даже старые сановники... удостоили её мгновенным одобрительным осмотром»⁴⁸), и при отсутствии соответствующих навыков использование данной «привилегии» оказывалось достаточно затруднительным. К этому следует добавить по-прежнему довлевший над девушкой контроль со стороны семьи: «батюшка продолжал быть со мною строг... Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала»⁴⁹. Как видим, в ситуации такого жёсткого «двойного контроля» возможности реализации своей сексуальности для дворянской девушки оставались также весьма ограничены, и её положение после первого «взрослого» бала существенно не изменялось.

Но в то же время нельзя забывать, что основным смыслом «вывозов» девушки в свет было её замужество, в связи с чем некоторые послабления для неё, разумеется, делаются. Так, очевидно, нормой считался регламентированный флирт молодых людей в публичном пространстве, осуществлявшийся, в первую очередь, через танцы, бывшие всеобщей социально поощряемой формой времяпровождения дворянства, в особенности дворянской молодёжи⁵⁰. Для нас танцы интересны тем, что при всеобъемлющем и массовом своём распространении, они представляют собой единственную в своём роде легитимную практику близкого тактильного контакта между мужчиной и женщиной: «молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот вальс!»⁵¹ Очевидно, танцы, а особенно столь критикуемый за свою сексуальность вальс, были очень важной составляющей сексуального поведения российской дворянки, являя собой некую «компенсацию» полной непросвещённости и барышни. Исходя из источников, вальс являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи, и ждали его всегда с нетерпением⁵².

Однако этот тактильный флирт, в наибольшей степени возможный именно в вальсе, дополнялся ещё и вербальным – танцы предполагали разговор, причём манера этого разговора регламентировалась и видоизменялась в зависимости от танца: «“мазурочная болтовня” требовала поверхностных, неглубоких тем»⁵³, а вальс создавал соответствующую обстановку «для нежных объяснений»⁵⁴, но эти объяснения делались не столько вербально, сколько письменно, т. к. «соприкосновение рук позволяло переда-

⁴⁸ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 243.

⁴⁹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Указ. соч.

⁵⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 91.

⁵¹ Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета. Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 95.

⁵² ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.

⁵³ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 96.

⁵⁴ Там же.

вать записки. Вальс танцевали долго, его можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур»⁵⁵.

Очевидно, не меньшую свободу для приватного общения, вербального флирта, в рамках публичных «веселостей»⁵⁶ давали и следующие практики: «Зоя сидела возле Веры Яковлевны, князь стоял за нею, прислонясь к колонне... Они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шالях»⁵⁷; «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на неё, маменька самодовольно поправляла свой чепец»⁵⁸. Известная «вольность» подобного общения молодых людей при этом нивелировалась контролем, осуществлявшимся социумом («цензорами в чепцах и шалях») через два основных механизма: общепринятые правила светского поведения и общественное мнение.

Однако даже легитимизированные подобным образом практики флирта, вовлекающие девушку-дворянку, могли восприниматься по-разному её семьёй. В этой связи А.В. Белова выделяет два типа сексуального поведения, возможные для девушки в дворянском обществе: «репрессированная сексуальность»⁵⁹, которая, предполагая максимальный контроль над сексуальным поведением дочери и подавление её сексуальности, имела место в большинстве случаев; и «контролируемая сексуальность», которую можно охарактеризовать как осуществляемое с ведома родителей «коккетство»⁶⁰. То или иное отношение семьи к флирту дочери могло определяться «взглядами» родителей («Коккетство, которое я разрешила Мари (дочери. – О.Л.), было самого невинного свойства...»; письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г.⁶¹), но значительно чаще ключевым фактором в данном вопросе всё же становилась личность избранного девушкой «партнёра» («Коккетство... Мари... относилось к человеку, который был вполне подходящей партией»⁶²).

Следует ещё раз подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной, незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринимается исключительно в контексте брака, ведь «женская жизнь в любом слое “доэмансипированного” общества чётко делилась на добрачную и замужнюю»⁶³, и, соответственно, переход из одной категории в другую являлся чрезвычайно

⁵⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 96.

⁵⁶ Ган Е.А. Указ. соч.

⁵⁷ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁸ Ган Е.А. Указ. соч.

⁵⁹ Белова А.В. Указ. соч. С. 279.

⁶⁰ Там же. С. 279–284.

⁶¹ Цит. по: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 284).

⁶² Там же.

⁶³ Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. С. 32..

важным событием в жизни российской дворянки. Мужчины, безусловно, также учитывают этот фактор, выстраивая своё поведение с противоположным полом. Так, А.Н. Вульф, «преуспевший» в «волокитстве», отмечает в дневнике, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою»⁶⁴. В связи с этим внимание к барышне со стороны женатого мужчины могло восприниматься двояко. Если он уже перешагнул границу того возраста, которому в дворянском обществе атрибутируется сексуальность, то он характеризуется как старик⁶⁵ – «почтенный»⁶⁶ или «веселый»⁶⁷, возможно даже «весельчак и проказник»⁶⁸, то внимание с его стороны воспринимается лишь как часть светской галантности («Я танцевала с маркизом де Табэ, который мне сказал: “Je suis vieux pour m’intéresser aux femme et à la mode, mais ce sont des yeux que je ne sais pas à Paris!” (“Я стар, чтобы интересоваться женщинами и модой, но таких глаз я не видел и в Париже!” (перевод с фр. издателя. – О.Л.))»⁶⁹) и, по общественному мнению («Маша... была прекрасна, как майский день; молодые люди за нею бегали; старики, глядя на неё, жалели о прошедшей своей молодости»⁷⁰), не может иметь сексуальный подтекст, в противном же случае это могло вызвать крайне негативную реакцию семьи, будь то даже внимание члена императорской семьи.

Любой же другой (неженатый) мужчина, публично проявивший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне, расценивается как потенциальный жених, поэтому сценарий, при котором он не делает ей ожидаемое предложение, может быть воспринят ею и её семьёй достаточно болезненно: «прошло несколько воскресений сряду – и стул подле m-lle Armidine не был уже занят пламенным корнетом. M-lle Armidine была расстроена и смеялась ещё принуждённее, чем прежде»⁷¹: «мать пишет, что он («г. Плаутин». – О.Л.) получил Тираспольский конный егерский полк, и что тем разрушилась её надежда на замужество сестры... Хотя он и волочился за нею, но я не надеялся на него. Сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа»⁷².

Существенно, что фактором дозволения или запрета флирта становилась приемлемость того или иного мужчины в качестве жениха, ведь расширение границ дозволенного в отношениях молодых людей становилось возможно лишь после помолвки, когда они официально получали статус

⁶⁴ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Головина В.Н. Указ. соч.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Андреев Н.И. Воспоминания // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Andreev/And-2.htm> (дата обращения: 14.05.2015).

⁶⁹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 102.

⁷⁰ Погорельский А. Лафертовская маковница // Русская романтическая новелла. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/neizvesten_avtor/russkaya_romanticheskaya_novella/read_1/ (дата обращения: 17.10.2025)).

⁷¹ Соллогуб В.А. Большой свет. С. 222.

⁷² Вульф А.Н. Указ. соч. См. также: Соллогуб В.А. Большой свет...

жениха и невесты (что для девушки могло быть возможно только с мужчиной, представляющим «блестящую партию» и потому «способным сделать её счастие»⁷³ – по мнению семьи, разумеется).

Если же брак оказывался невозможным или нежелательным, молодым людям, которые всё равно виделись на светских мероприятиях, не позволяли общаться и танцевать вместе: «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нём»⁷⁴; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала <...> князь не выдержал; он завладел Зоею в глазах советника и... увел её на другой конец залы. И как он был нежен, как был любезен во всю мазурку! Как много говорили глаза его! Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Ююны»⁷⁵; «... когда, две недели спустя, Надежда Осиповна (бабушка автора по матери. – *О.Л.*) увидела на бале отца (отца автора, ищущего руки матери автора. – *О.Л.*), то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок»⁷⁶.

Таким образом, для дворянской девушки флирт, подчинённый матримонимальным соображениям, часто имел мало общего с любовными переживаниями и сексуальностью, как и сам брак, по-прежнему заключающийся по экономическим и социальным мотивам. Причём подобный разрыв между понятиями любви и брака у женщины имел место практически всегда, а браки «по склонности», как правило, были возможны только при так называемом «умыкании» невесты.

Так или иначе, спустя некоторое время после выхода в свет дворянская девушка выдаётся замуж. Формально это событие лишь меняло источник власти, довлевшей над ней, однако в действительности, как уже упоминалось, вступление в брак давало ей ряд значимых преимуществ перед незамужними представительницами дворянского сословия. В первую очередь, она получает доступ к более обширной информации сексуального характера, которая была для неё под запретом до этих пор, – в значительной мере за счёт личного сексуального опыта. Не менее важно, что она, наконец, выходит «из-под прицела родителей и прочих блюстителей нра-

⁷³ Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 3. Проза. С. 93.

⁷⁴ Жукова М.С. Указ. соч.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Цит по: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nnavy_i_byt_pushkinskoi_epohi.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

вов»⁷⁷ – тех лиц, которые были заинтересованы в сохранении ею морально-го облика и потому всячески ограничивали её как на уровне цензуры, так и на уровне практик.

Разумеется, отныне таким, лично заинтересованным в «честь» дворян-ки лицом становится её муж, однако, если речь идёт о светской супружеской паре (но в провинции патриархальные взаимоотношения всё ещё сильны даже в среде дворянства: Гонецкий с женой; сестра Водовозовой с мужем⁷⁸), молодой женщине не только было позволительно, но и желательно вести светскую жизнь, что предполагает известную долю свободы и самостоятельности от мужа: «я только вышла замуж и очень веселилась»⁷⁹, – пишет А.О. Смирнова-Россет, а из дальнейшего её повествования становится понятно, что «веселилась» она, проводя время порознь со своим мужем⁸⁰.

Отметим, что принадлежность к «свету» требует как от мужчины, так и от женщины известной непринуждённости, раскованности – не только в собственном поведении, но и в отношениях с противоположным полом. Такая игривость, своего рода «лёгкий флирт», осуществляемый всеми женщинами и всеми мужчинами по отношению друг к другу⁸¹, считался не только допустимым, но был признаком хорошего тона, разумеется, в чётко очерченных рамках, ограниченных для обоих полов. Так, более опытная губернаторша между делом замечает Николаю Ростову, что он «слишком» ухаживает за «за той, за белокурой» для человека, который собирается жениться на княжне Болконской⁸².

Итак, поведенческие модели в российском дворянском обществе были совершенно различными для женщины и мужчины. Это определялось разницей в воспитании и границах дозволенного, которые для мужчины были значительно шире, чем для женщины. Особенно жёсткому контролю и надзору подвергались незамужние представительницы дворянского сословия. Совершенно иначе, чем у дворянских юношей, у них обстояли дела с доступом к информации о межполовом общении и, собственно, к общению с противоположным полом. Это было связано с категорией «честь», также имевшей существенную гендерную специфику. Если для мужчины честь – это его качества и заслуги (иногда, возможно, и любовные победы, донжуанство в кругу друзей, но ни в одном из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице, скорее, наоборот), для женщины же честь подразумевала под собой умение контролировать собственную сексуальность, соблюдая целомудрие до брака и верность супругу в браке. При этом система запретов и ограничений, безусловно, распространялась и на мужчин (одним из важнейших «регуляторов» их нормативного поведения служил институт дуэли),

⁷⁷ Белова А.В. Указ. соч. С. 280.

⁷⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁷⁹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Жукова М.С. Указ. соч.

⁸² Толстой Л.Н. Война и мир. Том четвёртый // Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 213–214.

однако, если для мужчины модель социально одобряемого поведения была неизменной на протяжении жизни, то для женщины ключевым событием, менявшим не только её социальный статус, но и границы дозволенного, было вступление в брак. После сватовства, а затем замужества всесторонний контроль за поведением дворянки ослабевал, однако модель её поведения трансформировалась не существенно, поскольку ценностные установки и социально одобряемые модели поведения формировали жёсткую систему внутренних запретов и самоограничений.

Список литературы:

1. *Алексеева Е.А.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2007.
2. *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.
3. *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.09.2021).
4. *Губер П.К.* Донжуанский список А.С. Пушкина. М., 1990.
5. *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ., 1995. 464 с.
6. *Кошелев А.В.* «Я пишу без всякого порядка...» (А.О. Смирнова-Россет и её воспоминания) // *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–24.
7. *Листова Т.А.* По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // *Этнографическое обозрение.* 1994, № 5. С. 28–34.
8. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 2006.
9. *Пушкарева Н.Л.* Лев Толстой как зеркало русского секса // *Секс и мы.* Осень, 2006. С. 23.
10. *Пушкарева Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. <http://womenation.org/pozoriaschiye-pakazania/> (дата обращения: 28.09.2021).
11. *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2 (47). С. 3–18.
12. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.
13. *Солодянкина О.Ю.* Иностраннные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.09.2021).

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Рос-

сия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

Norms of Interaction between Men and Women in Russian Noble Culture of the Late 18th – Mid-19th Centuries

O.I. Lisitsyna

Tver State University, Tver, Russia

Drawing on a wide range of literary sources, moral literature, and personal accounts, this article explores the specific behavioral norms of Russian noblemen and noblewomen. While it touches on discursive differences between "male" and "female" writing, the primary focus is on behavioral differences. These are examined through a comparison of the upbringing of girls and boys, as well as an analysis of the concept of "honor," which was central to the Russian noble ethos. The article investigates the interactions between noble men and women and the system of social norms that governed them in the Russian Empire from the late 18th to the mid-19th century.

Keywords: *code of conduct, honor, mentality, women's history, ego-documents, Russian empire, traditional gender order.*

About the author:

LISITSYNA Ol'ga Igorevna – The Candidate of Histoty, The Department of General History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatsky str., 16/31), e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

References:

- Alekseeva E.A. *Diffuziya evropejskih innovacij v Rossii (XVIII – nachalo XX vv.)*. Avtoref. dokt. diss. Ekaterinburg, 2007.
- Belova A.V. *«Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* SPb., 2010.
- Gordin Ya.A. *Dueli i duelyanty: Panorama stolichnoj zhizni* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (data obrashcheniya: 27.09.2025).
- Guber P.K. *Donzhuanskij spisok A.S. Pushkina*. M., 1990.
- Kon I.S. *Seksual'naya kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke*. M.: OGI, 1995. – 464 s.
- Koshelev A.V. *«Ya pishu bez vsyakogo poryadka...» (A.O. Smirnova-Rosset i eyo vospominaniya)*, Smirnova-Rosset A.O. *Vospominaniya*. SPb., 2011. S. 5–24.
- Listova T.A. *Po povodu stat'i T.B. Shchepanskoj «Mir i mif materinstva»*, Etnograficheskoe obozrenie. 1994, № 5. S. 28–34.
- Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. SPb.: Iskusstvo – SPb, 2006.

- Pushkareva N.L. *Lev Tolstoj kak zerkalo russkogo seksa* // Seks i my. Osen', 2006. S. 23.
- Pushkareva N.L. *Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX v.* [Elektronnyj resurs]. <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (data obrashcheniya: 28.09.2025).
- Pushkareva N.L. *Seksual'nost' v chastnoj zhizni russkoj zhenshchiny (X–XX vv.): vliyanie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernyh poryadkov, Zhenshchina v rossijskom obshchestve.* 2008. № 2 (47). S. 3–18.
- Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny v XVIII stoletii.* M., 2012.
- Solodyankina O.Yu. *Inostrannye guvernantki i ih rol' v formirovanii usadebnoj kul'tury.* [Elektronnyj resurs]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (data obrashcheniya: 29.09.2025).

Статья поступила в редакцию 01.10.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.